

12+

Владимир Николаевич Исаев

КАК «ДУЛЬСИНЕЯ» РЫЦАРЯ СПАСАЛА

Ироническое городское фэнтези

Владимир Исаев

**Как «Дульсинея» рыцаря спасала.
Ироническое городское фэнтези**

«Издательские решения»

Исаев В. Н.

Как «Дульсинея» рыцаря спасала. Ироническое городское фэнтези
/ В. Н. Исаев — «Издательские решения»,

Знаете ли вы, как спасти друга, если он вообразил себя рыцарем, вас считает Дульсинеей, а в голове у него поселился демон, мечтающий о мировом господстве? Нет? А вот Даша Тоболева теперь знает. Её инструкция включает: электрошокер, пару архангелов с сомнительным чувством юмора и билет до древнего городища Аркаим. Ведь когда твой лучший друг вместо «Привет» пытается облобызать руку, кует меч в сарае и рубит им хулиганов — это не шизофрения. Это начало самого безумного приключения в вашей жизни.

© Исаев В. Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Дэн Дохот Лохмаческий: История одной одержимости	6
Дядя Вася и его метод: молот вместо слов	8
Доспехи, достойные подвига	10
Рыцарь на железном коне или просто псих?	12
Глава 2. Дульсиenea не в восторге: неудачный визит к возлюбленной	13
Глава 3. Рыцарь против коллекторов и «дракона»: первый подвиг	16
Бой с чудовищем	18
Полковник в недоумении: что делать с рыцарем-неудачником?	19
Глава 4. Приключения в смирительной рубашке	22
Психиатр и полковник: сделка двух циников	23
Мама в бой: попытка вызволить рыцаря из лечебницы	25
Альтернативная сущность: когда в голове появляется неожиданный соавтор	28
Глава 5. Побег из дурки: терминатор в пижаме	30
Велосипед вместо Росинанта: скромное средство передвижения для великого рыцаря	32
Суперзлодей в больничной пижаме: как поймать неуловимого угонщика	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Как «Дульсинея» рыцаря спасала Ироническое городское фэнтези

Владимир Николаевич Исаев

© Владимир Николаевич Исаев, 2026

ISBN 978-5-0070-0736-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Дэн Дохот Лохмаческий: История одной одержимости

Зовут меня Денис Краевой, но друзья во дворе окрестили Дэном Дохотом Лохмаческим. Сейчас, после стольких злоключений, я терпеть не могу это прозвище. Но тогда, в детстве, оно казалось мне верхом благородства. Понимаю, звучит как диагноз, но давайте расскажу по порядку.

Все началось в тот день, когда я заявился во двор в новом образе. Я тогда как раз дочитал «Дон Кихота» Сервантеса и решил, что тоже стану рыцарем. Для начала обзавелся длинными волосами, как у киношных героев. Конечно, они не могли отрасти за одну ночь: я просто надел парик, который нашел на чердаке, старый, пыльный... Мама когда-то в нем на карнавал ходила. Парик сползал набок и щекотал шею, но мне было все равно: я же теперь рыцарь!

И вот я выхожу во двор: на мне кожаная куртка, за поясом деревянный меч, в руках копье из черенка метелки и щит из крышки кадушки. Волосы развеваются... Ребята замерли как вкопанные.

— Ого, — присвистнул Витька, завидев меня. — Краевой, ты что, в монахи собрался? Или это новая прическа «Последний викинг»?

— Это не прическа, — важно ответил я. — Это рыцарский облик. Настоящий рыцарь должен выглядеть величественно.

Пацаны переглянулись и заржали.

— Величественно, — передразнил Мишка. — Да ты на пугало огородное похож!

— Зато пугало грозное, — не сдавался я.

Дядя Вася, который как раз вышел покурить у ворот кузницы, окинул меня взглядом и хмыкнул:

— Ну и видок. Прямо Дон Кихот Ламанчский собственной персоной.

Вот тут все и завертелось.

— Дон Кихот? — оживился Витька. — Точно! Только «Дон» — это слишком масштабно для нашего Дениса. Давай лучше «Дэн»?

— А «Ламанчский»? — подхватил Мишка. — У него же волосы как копыта. Значит, «Лохмаческий»!

— Идеально! — хлопнул себя по колену Витька. — Дэн Лохмаческий! Звучит почти как благородный титул.

Но мне чего-то не хватало. В этом прозвище не было той самой рыцарской изюминки, которую я искал.

— Нет, — помотал я головой. — Слишком просто. Должно быть что-то еще...

Мишка задумчиво почесал затылок, потом глаза его загорелись:

— А что, если добавить что-то созвучное с «Кихотом»? Ну, типа... «Дохот»?

— «Дохот»? — переспросил я.

— Ну да! — воодушевился Мишка. — Во-первых, созвучно. Во-вторых, помнишь, тебя раньше «Доходягой» дразнили из-за роста? А теперь ты вон какой: плечистый, мускулистый. Ирония, понимаешь? Из «Доходяги» в «Дохота» — как из простого парня в рыцаря!

Пацаны снова расхохотались, но на этот раз как-то по-доброму, без издевки.

— Дэн Дохот Лохмаческий, — протянул Витька, пробуя на вкус. — Рыцарь печального образа, но с характером!

Я выпрямился, стараясь выглядеть достойно:

— Мне нравится. Звучит... эпично.

С тех пор так и повелось. Сначала я гордился этим именем. В нем и правда был определенный шарм. Оно напоминало мне о рыцарских идеалах, о подвигах, о чем-то большем, чем серые будни. Но со временем... Впрочем, это уже другая история, о которой я расскажу чуть позже.

Дядя Вася и его метод: молот вместо слов

А тогда, стоя во дворе под смешки друзей, я и представить не мог, что это прозвище станет частью моего пути... Пути, который приведет меня к кузнице дяди Васи, к первому выкованному мечу и к доспехам, способным выдержать выстрел из пистолета.

Однажды, когда я в очередной раз завел разговор о рыцарстве, дядя отложил молот, посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Знаешь, Денис, если уж так хочешь окунуться в «средневековую романтику», научись хотя бы ковать. Может, хоть это выбьет из твоей дурной башки навязчивую блажь.

Говорил он это без всякой злобы и даже ласково, поэтому я на подобные эпитеты не обижался и с дядей старался дружить, интуитивно полагая, что его кузня когда-нибудь мне пригодится. Так оно и случилось.

Кузница дяди Васи стала моим святилищем. Это был мир, живущий по своим законам. Воздух здесь всегда был плотным, горячим и пах раскаленным железом, угольной пылью и окалиной. Гул горна не смолкал ни на минуту: низкий, утробный звук, который я чувствовал всем телом, вибрацией отдаваясь в костях. Сухой, резкий звон металла о металл стал ритмом, под который билось мое сердце. Дядя ковал ограды и скамейки — «ширпотреб», как он говорил, но для меня каждый удар его молота был священнодействием.

Чтобы я не ошивался без дела, дядя учил меня тонкостям кузнечного мастерства. Думаю, он надеялся, что когда я вырасту, стану его помощником в бизнесе.

В четырнадцать лет я объявил дяде:

— Я хочу выковать меч. Свой собственный.

— И зачем тебе вообще эта железяка? — удивился он, оторвавшись от правки рукояти калитки.

— Чтобы защищать слабых! — гордо заявил я, выпрямив спину.

— Слабых от чего? От смеха? — хохотнул дядя, потом вздохнул, почесал затылок и пристально посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то вроде уважения. — Ладно, герой. Позволю тебе поработать в моей кузне. Но сначала три дня молотить железку. Пока руки не отвалятся. Чувствовать ее научись: слышать, как металл отзывается на отбив.

Первый удар молота отозвался болью в запястьях. Я стиснул зубы и замахнулся снова... потом еще и еще. Металл шипел под ударами, искры летели в темноту кузницы, а пот заливал глаза.

— Три дня... — хрипло выдохнул я, глядя на дрожащие руки. — Всего три дня... чтобы доказать: я не просто «Дэн Дохот Лохмаческий», как дразнят во дворе. Я — будущий рыцарь.

Дядя Вася хмыкнул:

— Балбес ты... Рыцари вымерли, как динозавры. Остались только доставщики пиццы в костюмах.

— Но они же не носят доспехи! — возмутился я.

— Вот именно... А теперь работай. Чувствуй металл. Если выдержишь три полных рабочих дня вместе со мной, дам хорошую сталь для меча.

Я сжал рукоять молота. В голове всплыли где-то прочитанные слова: «*Настоящий рыцарь терпит боль и идет вперед*». Еще один удар. И еще... Три дня я орудовал молотом, куя простые детали, которые мне давал для работы дядя.

Руки гудели от ударов, а в ушах стоял непрекращающийся звон. Пот заливал глаза, смешиваясь с копотью, а запах раскаленного железа въедался в одежду. Жар от горна обжигал лицо, а тяжелая наковальня будто бы насмехалась надо мной, «пружиня» и откидывая молоток в разные стороны.

К третьему дню ладони покрылись кровавыми мозолями, и каждый взмах давался с трудом. Я начал подозревать, что железо ненавидит меня так же сильно, как мой учитель математики за нерешенную задачу. В такие моменты я почти сдавался. Но потом вспоминал те истории о рыцарях из детства, которые мама читала мне перед сном. *«Если я хочу быть таким, как они, — думал я, снова поднимая молот, — то должен выдержать».*

На утро четвертого дня дядя молча наблюдал за мной, пока я, стиснув зубы, снова и снова поднимал и опускал молот. Его взгляд был непривычно серьезным, будто он оценивал не мою выносливость, а что-то большее. Затем, крикнув, он принес со склада кусок темного металла и швырнул его мне на наковальню.

— Держи, — буркнул он. — Вижу, ты не из тех, кто бежит от трудностей. Куй свой меч. Только не плачь, если выйдет кривобоко.

Меч и правда получился... своеобразным. Короткий, с неровным лезвием и рукоятью, чуть скошенной влево. На клинке остались следы неудачных ударов: вмятинка у гарды и две мелкие ряби возле обуха. Но он был мой... С каждой неровностью, с каждым несовершенным изгибом. Я провел пальцем по шероховатой поверхности и улыбнулся. В этот момент я почувствовал себя настоящим мастером, пусть и начинающим. *«Теперь, — подумал я, — я смогу защитить тех, кто в этом нуждается».*

Когда я впервые поднял его над головой, дядя похлопал меня по плечу тяжелой ладонью: — Для начала сойдет. Только не пытайся им открыть консервную банку — сломается.

Окрыленный успехом, я взялся за шлифовку. Дядя периодически проверял клинок: подносил лезвие к свету, хмурил брови, проводил мозолистым пальцем вдоль кромки и, хмыкая, неизменно возвращал его мне со словами «Еще три...». Наконец, после очередного осмотра он объявил:

— Достаточно, — и торжественно вручил мне банку с полировочной пастой. — Теперь хоть не стыдно будет показать кому-нибудь.

В этот момент я вдруг вспомнил вечера с мамой: как она читала мне перед сном рассказы о подвигах и благородных героях. В этих сказках я находил образ отца... того, кого никогда не знал. В моих фантазиях он был рыцарем, витязем, защитником, и я хотел стать его отражением: сильным, справедливым, непобедимым.

Но отца у меня не было. Вернее, где-то он был, но наша семья этого мужчину чем-то не устраивала, и он свалил на север, когда мне исполнилось пять лет. Я почти не помнил его лица...

Обиды я на отца не держал... По крайней мере, так мне казалось. Временами меня накрывало: хотелось его увидеть и высказать в глаза все, что наболело за годы моего детства. А порой меня охватывало полное равнодушие к этому, по сути, чужому человеку. Все, что у меня было, — это образы из маминих рассказов, смутные детские воспоминания и ощущение надежных рук. Он поднимал меня над головой и кружил, приговаривая: «Будешь настоящим богатырем, Дениска!».

«Если бы отец увидел мой меч, — подумал я, проводя пальцем по неровному лезвию, — что бы он сказал?»

Дядя Вася подошел сзади и взлохматил мне волосы:

— Ну что, мастер? Следующий шаг — доспехи? Или уже передумал?

— Не передумал, — твердо ответил я, пряча меч в самодельный чехол.

Теперь я точно знал: если не найду отца, то сам стану тем, кем он мог бы гордиться.

Доспехи, достойные подвига

К пятнадцати годам у меня уже был целый арсенал: два меча (второй вышел куда ровнее), щит с вычеканенным узором, копьё с закаленным наконечником и длинный кинжал с тонким лезвием... Мой любимый, с гардой, загнутой как коготь хищной птицы. И тогда я решил: пора ковать доспехи.

Дядя, увидев мои чертежи — неровные линии на обрывке картона, только цокнул языком:

— Баловство все это.

Но ключи от кузницы все-таки отдал, хмыкнув в усы.

Я работал по ночам, пока город спал. В тишине кузницы слышался только стук молота да шипение остывающего металла. Искры взлетали к потолку, как светлячки, а жар горна согревал лучше любого одеяла. Мать только вздыхала, когда я заявлялся под утро уставший, но довольный. Спал несколько часов и убежал в школу. А вечером цикл повторялся. Дядя на ее жалобы лишь улыбался:

— Лучше это, чем пиво в подворотне.

Мама согласно кивала, наливая брату очередную чашку чая.

Три месяца я корпел над доспехами. Сталь С-500 (зачем дядя ее заказал, было для меня загадкой) оказалась прочной и неподатливой. Я с большим трудом выгибал пластины на фигурной наковальне, закаливал их в масле и шлифовал до матового блеска.

Однажды я решил проверить латы всерьез. Взяв охотничий арбалет дяди (он хранил его в шкафу), я натянул тетиву и выстрелил в нагрудник с десяти шагов. Наконечник оставил лишь мелкую вмятину.

«Пистолет не пробьет», — подумал я, ощупывая след от стрелы. Насчет автомата я не был уверен, но пистолетная пуля эту сталь точно не возьмет.

В качестве поддоспешной одежды я использовал старый советский ватник и такие же штаны. Немного перекроил их: добавил ваты в уязвимые места и простегал крест-накрест, чтобы набивка не смещалась.

Дядя сначала не желал их жертвовать под мои «хотелки», ссылаясь на какую-то там ностальгию: мол, в них еще его отец картошку копал. Но все же сдался под моим напором.

Впервые надев доспехи, я ощутил себя так, будто натянул толстую, промоченную водой и замороженную куртку. Вес давил на плечи, пластины натирали в непривычных местах, а шлем, хоть и легкий, ограничивал обзор. Но чем дольше я оставался в этом панцире, тем больше привыкал к его весу. Шагал по двору, приседал, делал выпады мечом, и постепенно движения становились свободнее.

В какой-то момент я закрыл глаза и представил поле битвы. Ветер свистел в ушах, вдали слышался рев драконов, а за спиной стояли те, кого я должен был защитить.

— Я готов... — прошептал я. И доспехи вдруг перестали казаться тяжелыми. Они стали продолжением меня.

А возможно, я просто убедил себя, что доспехи легкие. Но когда спустя час я снял их и выпрямился, то вдруг понял: спина больше не болит, а руки не дрожат от усталости. Я улыбнулся. Это был не просто металл — это была моя броня. И она работала.

В сарае я оборудовал тренировочный зал: расчистил пространство и установил несколько простых деревянных манекенов. Они были грубо сколочены из старых толстых досок. Один — высокий и прямой, для отработки ударов двуручником, другой — с округлым торсом, чтобы учиться парировать, третий — низкий и кривой, словно гоблин, для ударов в ноги.

На каждом манекене я краской вывел их имена: «Злобный великан», «Хитрый разбойник», «Гоблин-колдун». Затем довершил образы, нарисовав глаза и оскаленные пасти. Теперь они стали для меня настоящими противниками.

Облачившись в латы, я рубил болванов двуручным мечом, представляя себя древним воином в битве с ордами тьмы. Сталь звенела о дерево, искры летели от ударов, проходящихся по шляпкам гвоздей, пот ручьями стекал по лицу под шлемом. Я кружил между манекенами, уворачивался от воображаемых стрел, отбивал атаки невидимых врагов. И с каждым взмахом меча чувствовал, как доспехи становятся частью меня... не грузом, а продолжением тела. А потом, для пушного веселья, я решил опробовать доспехи на мотоцикле.

Рыцарь на железном коне или просто псих?

«Рыцарь на железном коне», — подумал я, заводя старенький «Стелс». Металл гремел на ходу, пластины лязгали... Но это только раззадоривало. Я разогнался по двору, тормозил юзом, выписывал восьмерки и хохотал, как сумасшедший.

— Эй, Дэн, — крикнул Витька, выглядывая из-за угла сарая. — А ну-ка, покажи, на что способен настоящий рыцарь!

От рева мотоцикла двор оживился. Пацаны высыпали из подъездов, увидев беснующегося рыцаря на стальном коне. Все, конечно, тут же захотели присоединиться к развлечению: кто-то притащил швабру с тряпкой, кто-то нашел старые ведра и картонные коробки. И мы устроили турнир. Коробки на палках стали «чудищами», старые ведра — «драконьими яйцами», а пиво — «эликсиром храбрости». Пацаны ржали, глядя, как я с ревом пронесся по двору на моцике, сшибая копьём картонные коробки.

— Давай, Дэн, мочи врага! — вопили мои кореша, улюлюкая и свистя. — Вон того еще не завалил!

— Промахнулся, Дэн, давай на второй круг!

— Молодец! Снес черепушку напрочь! Дон Кихот отдыхает!

— А теперь атакуй дракона! — кричал Витька, размахиваясь шваброй с привязанной к ней тряпкой. — Огнедышащего!

— Огня не будет! — орал я, нацеливаясь копьём в «дракона». — У него газ отключили!

Двор наполнился хохотом, криками и грохотом железа. Мы устроили целую осаду: «чудища» наступали с трех сторон, я отбивался мечом и щитом. Ребята кидали в меня мелкую гальку — «заклятия колдунов», но та отскакивала со звоном, не причиняя вреда.

— Не берут тебя чары! — кричали они. — Настоящий рыцарь!

Даже соседский пес, обычно грозный, пугливо жался к забору и удивленно мотал головой, будто решал: лаять или бежать без оглядки.

В общем, повеселились мы в тот вечер на славу. Пацаны притащили еще пива с вяленой рыбой, дабы отметить мою славную победу над картоноголовыми чудищами. Кто-то достал гитару, и мы хором орали песни про драконов и дальних странствиях, пока струны не начали фальшивить, а голоса срывать.

Потом откуда-то появилась водка, пьяные девчонки не с нашего района, а дальше... Дальше Денис Краевой ничего не помнил. Только обрывки: смех, чьи-то руки, помогающие снять доспехи, запах дыма от костра и далекий гудок электрички.

Глава 2. Дульсинея не в восторге: неудачный визит к возлюбленной

«Как же болит голова! Сегодня мне необходимо быть в форме... Сегодня меня ждет моя прекрасная Дульсинея. Я обещал в ее честь убить тысячу чудовищ и вчера наконец-то начал выполнять свой обет, проколов копьем десяток мерзлотных тварей, что ошивались вокруг ее замка...».

Я с трудом поднялся с кровати. Крепкий сон не дал обычного облегчения и восстановления жизненных сил. Усталость снова навалилась на мое измученное битвой тело, как будто бы и не было стольких часов беспробудного сна. Пульсирующая боль в голове не прекращалась. Мой череп был словно набитый ватой чугунок, по которому кто-то непрерывно лупил колотушкой.

«Блин! Как же я в таком виде предстану перед несравненной Дульсинеей? Надо срочно приводить себя в порядок».

Я встал, умыл лицо теплой водой из пластиковой бутылки. Рыцарское снаряжение грудой тусклого железа валялось на полу возле моего ложа.

«Надо бы почистить», — вяло проплыла в голове мысль, но тут же утонула в густом тумане боли.

Я надел доспехи, и мир вокруг преобразился. Даже башка стала меньше трещать.

Снаружи меня ждал мой верный Росинант. Старый мотоцикл с фарой вместо глаза и рулем вместо уздечек казался могучим конем. Его «единственное око» радостно сверкнуло при моем появлении. Росинант весело взмахнул блестящими рогами и мотнул ими, приглашая меня сесть на седло.

— Не сейчас, мой милый Росинант, — ласково потрепал я верного друга по выпуклому боку. — Сегодня я иду в гости к моей бесподобной Дульсинее, дабы поведать ей о своих подвигах, совершенных в ее честь. Возможно, теперь она снизойдет до бедного рыцаря и согласится принять его руку и сердце.

Я оставил Росинанта в недоумении и направился к замку дамы моего сердца. Ступени башни вились вверх нескончаемой лентой, но мне было не привыкать преодолевать трудности. И вот я добрался до вожделенных дверей, за которыми, как я надеялся, моя возлюбленная томилась в ожидании своего героя.

Одним ударом я распахнул хлипкую преграду, рассчитывая предстать пред ней во всей красе: победителем чудовищ, защитником слабых, рыцарем без страха и упрека — Дэном Дохотом Лохмаческим.

К моему глубокому изумлению, возлюбленная Дульсинея зашлась в истошном крике при моем торжественном появлении на пороге ее чертога, создав еще большую сумятицу и боль в моей бедной голове.

— О несравненная моя Дульсинея! — начал я торжественно. — О отрада души моей! Что случилось, почему ты издаешь такие громкие и неприятные звуки?

Услышав мужественный голос своего рыцаря, услада моего сердца на миг замолчала. Глаза ее округлились в немом восхищении, а из сахарных уст полился нежный голос:

— Дениска! Это ты что ли? Напугал, придурок! Ты на хрена нам двери своей железкой сломал? В тюрьму захотел? Скоро отец приедет! Он тебя прямо в твоей жестянке в асфальт закатает! Остолоп ты придурочный!

Я наслаждался голосом своей возлюбленной, с трепетом впитывая тембр ее нежного сопрано. Наконец я нашел в себе силы прервать ее пламенную речь:

— О, моя милая Дульсинея! Я прекрасно осведомлен о возможностях вашего батюшки и ценю его самоотверженную службу при дворе короля. Но мне было жизненно важно увидеться с тобой, дабы поведать о своих подвигах и героических победах, посвященных в твою честь. Я...

— Какая на х... Дульсинея?! Ты что, совсем офонарел? Крыша вконец потекла? А ну пошел вон отсюда! Мне ремонтникам звонить нужно! И чтобы дома был, когда полиция придет!

Я стоял, прислонившись к стене, чувствуя, как доспехи вдруг стали в два раза тяжелее, а шлем начал давить на голову. В груди что-то оборвалось, будто меч, который я держал в руках, внезапно обратился против меня. «*Неужели все напрасно?*» — обескураженно подумал я, но потом выпрямился и расправил плечи. «*Нет. Просто нужно что-то помасштабнее. Что-то, что точно ее впечатлит...*».

— Но Дульсинея... Я...

— Пошел прочь!

Моя возлюбленная с неожиданной для своего хрупкого девичьего тела силой толкнула меня, да так, что я врезался спиной в противоположную стену. Доспех зазвенел, а меч с лязгом ударился о щит.

— Дашка я! И если твои потекшие мозги еще могут что-то соображать, то ты сейчас же пойдешь за деньгами, и, возможно, мы все успеем починить до приезда родителей! У, придурок! Скажи спасибо, что с первого класса с тобой дружим...

Я вышел из замка своей избранницы обескураженный и в полном расстройстве чувств. Неужели я настолько мало совершил подвигов, что слава о моих героических деяниях до сих пор не дошла до прелестных ушек Дульсины?

Вероятно, нужно дать еще один обет. Совершить нечто такое, что заставит ее смириться надо мною и обратить свой чудесный взор на бедного и несчастного рыцаря. Решено! Вперед! К подвигам и великой славе!

Я вскочил на своего верного Росинанта. Мотоцикл покачнулся, когда я плюхнулся в седло. Он явно не разделял моего энтузиазма, но куда ему было деваться, мы были командой. Могучий конь яростно взревел, восприняв неудачу хозяина как свою личную обиду, и рванул вперед, оглашая окрестности грозным рыком.

Я мчался по улицам города, а в голове крутились слова: «*Пошел прочь!*». Доспехи, которые еще недавно казались продолжением тела, теперь давили невыносимо. Шлем словно сжимал череп, а нагрудник мешал дышать.

«*Она не поняла, — твердил я себе. — Она просто не осознала величия момента. Настоящий рыцарь должен быть терпеливым. Нужно совершить подвиг, достойный ее внимания.*».

«Росинант» подпрыгивал на неровностях асфальта, лязг металла заглушал шум города. Я свернул в старый парк, где деревья росли так густо, что их ветви сплетались над головой, образуя сводчатый потолок.

***

— Здорово, Макс.

— Привет, Темка.

— Слышал, что случилось вчера?

— Нет, а что произошло?

— У Дэна после вчерашней попойки крыша поехала. Короче, напялил на себя все свои железки и к Дашке Тоболевой пошел. Там выбил ей двери и такую околесицу понес, что Дашка чуть со смеху не умерла. Вернее, сначала она жутко разозлилась, а потом, когда уже Дэн свалил,

ржала до тех пор, пока мастер не пришел двери чинить. Мол, называл ее Дульсинеей какой-то, о подвигах своих рыцарских хотел рассказать, в общем, нес полную пургу.

— Ни хрена себе! А дальше что было?

— А ничего не было. Дэн на свой моцик сел, как был в железе, по газам, и был таков. Так до сих пор и не появлялся. Дашка еле уговорила отца в полицию не заявлять. Тем более, мастер, который приходил двери чинить, бесплатно все сделал. Дашка ему ресничками помахала, пару раз улыбнулась, да согласилась в бар сходить, тот и поплыл на радостях.

— Да, Дашуля наша кого хочешь на пальцах разведет. А Дэн, он и раньше с головой не очень-то дружил, а с бодуна ему, видимо, вовсе поплохело. Ничего, скоро вернется, тогда и пораспрашиваем толком, что за муха его укусила.

Глава 3. Рыцарь против коллекторов и «дракона»: первый подвиг

Я гнал Росинанта по ночному городу, выискивая несправедливость или ужасных чудовищ. Ветер свистел в ушах, фары выхватывали из темноты деревья, пустые скамейки и брошенные пакеты. В груди билось горячее, неустрашимое сердце рыцаря.

Мое страстное желание подвигов вскоре было удовлетворено сполна. У городского супермаркета двое злодеев с дубинами избивали прохожего. В свете фонаря их силуэты отбрасывали длинные тени: один замахивался битой, второй пинал лежащего мужчину.

Мой верный конь с ревом помчался к троице, подняв шлейф пыли.

— Остановитесь, несчастные! — воскликнул я, спрыгивая наземь и надевая на руку щит. — Оставьте бедного крестьянина в покое и сложите оружие!

— А это еще что за чучело? — удивленно уставился на закованного в латы Дэна один из нападавших: широколицый, с массивной шеей и бицепсами, выпирающими из-под футболки.

— Рыцарь, бля! — хохотнул второй, двинув армейским берцем под ребра хрипящему мужику: сухопарый, жилистый, с татуировкой змеи на руке.

— Слышь, рыцарь, валил бы ты отсюда, пока в рыло не получил! — подскочил ко мне первый, помахивая бейсбольной битой. — Или желаешь нам свой мотоцикл подарить?

— Желает, желает, — заржал второй и снова пнул лежащего. — Этот вот тоже желает долг погасить. Верно, клиент? Или у тебя платежная дисциплина хромает?

— Я все отдам! — просипел мужчина, и его окровавленный подбородок затрясся. — Завтра же начну продавать квартиру! Только, пожалуйста, не бейте!

— Вот видишь, какой хороший мальчик... Он вс-е-е отдаст. А ты компенсируешь моральный ущерб за то, что помешал нам отдыхать? Мы в свой законный выходной бросаем шашлыки и пиво, выискиваем тебя, тратим силы... Не-е-ет, кроме долга кредитору, ты еще и нам заплатишь... Верно?

— Прочь от него, негодяи! — вскричал я гневно. — Иначе познакомитесь с моим мечом!

Я с лязгом извлек из ножен свой верный клинок и выставил его острие вперед, одновременно делая исполненный достоинства полушаг и поворачиваясь щитом к первому из неприятелей. Тот, пораженный неукротимой мощью столь великого рыцаря, замер, перестав размахивать дубиной, и лишь удивленно хлопал своими маленькими глазками, что сверкали на полном, лоснящемся от пота лице. На мгновение в воздухе повисла напряженная тишина. Где-то вдалеке провела сирена полицейской машины, но никто не обратил на нее внимания — все были поглощены разворачивающейся пред их взорами драмой.

— Последний раз повторяю: сложите оружие и унесите свои стопы прочь отсюда! — провозгласил я. — И не забудьте испросить прощения у сего достойного мужа...

— Слышь, братуха, а консервная банка-то вконец оборзела! — прошипел широколицый. Его напарник перешагнул через должника, взяв битку обеими руками.

— Так давай проучим доходягу, раз русского языка не понимает! — усмехнулся он и нанес удар.

Металлический щит гулко загудел. Дэна отшатнуло назад от силы удара, но он тут же восстановил равновесие и взмахнул мечом. Лезвие просвистело у лица нападавшего и срезало верхушку биты, словно она была из бумаги. Широколицый удивленно посмотрел на обломок в руках и отступил.

В этот момент лежащий мужчина, воспользовавшись замешательством коллекторов, попытался отползти, но широколицый резко обернулся и пнул его в бок:

— Лежи, гнида, пока я с этим чудиком не разберусь!

Второй бандит подскочил с другой стороны и с громким уханьем опустил биту на рыцарский шлем. В голове загудело, а в глазах помутилось, но Дэн сумел удержаться на ногах. Сделав полуборот влево всем корпусом, он нанес ответный удар, достав кончиком лезвия плечо нападавшего.

— А-а-а! — дико заорал сухопарый и, выронив биту, схватился за раненую руку. — Ты че, сука, делаешь?! — выл он, вертясь на месте. — Полплеча, падла, разруби-и-ил!

Его товарищ подскочил к приятелю, не обращая внимания на стоявшего в боевой стойке Дэна, и осмотрел рану.

— В больницу тебе, Костя, срочно надо! Иначе кровью истечешь!

— Ну так звони быстрее! Чего медлишь? — прошипел сквозь зубы упомянутый Костя. Лицо его бледнело на глазах, а самого шатало, словно пьяного.

Я же, убедившись, что злодеи больше не представляют опасности, подошел к сидящему и ошарашенно наблюдавшему за боем крестьянину и протянул ему руку в железной перчатке.

— Встань, милый человек, больше тебя никто не тронет.

Мужик вскочил на ноги, испуганно бормоча что-то вроде: «Не убивайте меня! Я все отдам!»

— Ты свободен! — торжественно объявил я. — Можешь ступать своей дорогой, и не забудь рассказать миру, что этот подвиг, впрочем, как и все другие, я посвящаю своей возлюбленной — несравненной Дульсинее Тобольской!

Мужчина попятился. Затем, резко развернувшись на пятках, побежал со всех ног со скоростью, которой мог бы позавидовать самый быстрый спринтер.

— Вот так всегда, — грустно вздохнул я. — Сделаешь доброе дело, и ни спасибо тебе, ни до свидания.

Внезапно раздался ужасный звук. Из-за поворота появилось чудовище с горящими глазами. Мое сердце забило быстрее, и адреналин хлынул в кровь. Время словно замедлилось, и я ясно видел каждую деталь приближающегося монстра. Яростные, слепящие желтые зрачки, сверкающий красно-синий гребень на уродливой голове, блестящий выпуклый лоб и мерзкий вопль, исходящий из его глотки.

— Вот и второй подвиг! — радостно воскликнул я. — Сегодня мне везет! Сейчас я поражу этого ужасного дракона, и моя возлюбленная Дульсинея наконец-то сообразовит одарить меня своей ослепительной улыбкой! А быть может... О! Я даже не смею надеяться на это... подарит мне благословенный поцелуй! Вперед, мой Росинант! Мы встретим дракона ударом копыя!

Я пришпорил мотоцикл, выставил вперед копыя и ринулся на чудовище. В последний момент перед столкновением успел подумать: «Интересно, что скажет Дашка, когда узнает о моем новом подвиге?»

Удар! Древко копыя вонзилось в голову дракона, пробив ее насквозь.

Бой с чудовищем

Выбивальщики долгов, посрамленные и униженные, стояли в стороне и наблюдали за стремительно разворачивающимися событиями.

— Ты только глянь, Костя! — пробормотал широколицый, поддерживая товарища. — Этот псих протаранил копьем ментовский уазик!

Тот лишь скрипел зубами, глядя, как четверо стражей порядка пытаются скрутить странного человека, закованного в латы.

Рыцарь уже выронил щит и отбивался мечом, взяв его обеими руками. Дубинки стучали по доспехам, отдаваясь в ушах глухим набатом. Каждый удар сотрясал тело, как молот по наковальне. Дэн чувствовал, как силы покидают его: руки дрожали, дыхание сбивалось. Но он стискивал зубы и снова взмахивал мечом, отгоняя нападавших.

«Еще немного, — думал он, — еще чуть-чуть, и они поймут, что истинного рыцаря невозможно победить в ближнем бою...»

Из лобового стекла уазика, уткнувшегося мордой в фонарный столб, торчало древко копья.

— Эй, парни, давайте шокер! — крикнул один из полицейских. — Не хочется стрелять в этого психа...

— Отставить! — рявкнул старший. — Он ранил офицера. Предупредительные вверх!

Хлопнули выстрелы в воздух. Но рыцарь, казалось, не слышал их: он продолжал размахивать мечом, выкрикивая что-то про Дульсинею и рыцарскую честь.

— Товарищ капитан, может, попробуем договориться? Он же явно не в себе... — пролепетал молодой конопатый сержант, нервно сглотнув.

— Замолчи! У него оружие. Он опасен.

Полицейским надоели эти смертельные танцы. И когда рыцарь зацепил клинком еще одного, рассекая бедро, они открыли огонь из табельных «Макаровых». Пули высекали искры из стали кирасы, но не могли пробить ее. Однако каждый удар отдавался в теле Дэна тупой, выворачивающей вспышкой боли. Сила попаданий сотрясала мышцы и суставы, словно кто-то бил по ним молотком изнутри. Дэн вскрикивал при каждом попадании, но лишь крепче сжимал рукоять меча.

Подъехала вторая машина. Стражи порядка с короткоствольными автоматами окружили преступника. Дружный залп «Калашниковых» возымел действие: латы не выдержали. Закованный в сталь человек рухнул, почувствовав жгучую боль в ногах.

Дэн упал на асфальт, но пальцы все еще сжимали рукоять меча. Мир перед глазами закружился, звуки стали глухими, будто доносились сквозь толщу воды. Сквозь щель забрала он видел, как широколицый помогает раненому товарищу забраться в скорую.

— Хана рыцарю, — донеслось до него. — Против «калаша» никакие доспехи не устоят.

— Туда ему и дорога, — простонал Костя, морщась от боли. — Понарожала страна придурков, деваться некуда.

— И то верно, — кивнул головой коллектор, закрывая дверь скорой.

Боль накатывала волнами, затуманивая сознание. Перед глазами всплыли образы: кузница, жар горна, дядя Вася, показывающий, как правильно ковать... *«Неужели это конец моих подвигов?»* — пронеслось в голове. Он попытался встать, но ноги не слушались.

Полицейские окружили его. Кто-то с силой надавил коленом на спину между лопаток, прижимая к асфальту. Руки в стальных перчатках грубо заломили назад. Раздался скрежет металла о металл. Стражи порядка буквально отгибали пластины наручей, чтобы просунуть цепь наручников. Наконец, на запястьях Дэна щелкнули браслеты.

Полковник в недоумении: что делать с рыцарем-неудачником?

В кабинет вошел начальник следственного отдела. Седовласый капитан вытянулся перед столом полковника Кресчатого.

— Рассказывайте, что там у вас случилось, — хмуро приказал начальник ОВД. — Мне утром доложили о нападении на наших сотрудников. Сказали, какой-то псих в доспехах... Но мне нужны детали. Что именно там произошло до задержания?

Капитан откашлялся и четко отрапортовал:

— В 22:00 экипаж ППС получил сигнал о вооруженном столкновении возле супермаркета «Элитный». По прибытии на место происшествия водитель совершил экстренное торможение: лобовое стекло пробило копье, едва не задев экипаж.

— Копье? — бровь полковника удивленно поползла вверх.

— Так точно, самое настоящее рыцарское копье, товарищ полковник. Древко толщиной около трех сантиметров, наконечник кованый, стальной.

— Хорошо, продолжайте.

— Когда машина остановилась, из темноты к ней шагнул человек в доспехах, размахивая мечом и выкрикивая угрозы.

— Хм, все интереснее и интереснее... Что же кричал преступник? — полковник побарабанил костяшками пальцев по столу.

— Нечто невразумительное. Что-то вроде: «Умри, чудовище, во славу несравненной Дульсины, от длани великого рыцаря Дэна Дохота Лохмаческого!»

— Похоже, кто-то слишком увлекался Сервантесом, — усмехнулся начальник ОВД, но быстро вернул серьезное выражение лица. — Продолжайте, Сергей Леонидович.

Капитан на мгновение замаялся, словно решая, стоит ли говорить дальше, но все же продолжил:

— Попытка обезоружить правонарушителя провалилась. В руках у него был длинный меч, которым, надо сказать, он очень ловко орудовал. Сначала применили дистанционный электрошокер, но без толку... Доспехи не пробиты. Потом предупредительные в воздух — ноль реакции. Когда преступник ранил сержанта Булатова, было решено применить табельное оружие. Лейтенант Анисимов и старший лейтенант Хлеев открыли огонь из ПМ, но пули только высекали искры из доспехов и рикошетили, не пробивая сталь. По идее, выстрелы должны были сбить нападавшего с ног и вызвать травмы, но... Он почему-то продолжал стоять. К тому времени подъехал наряд ДПС с АКСУ. Капитан Тарашенко и старший лейтенант Лебедев открыли огонь и ранили преступника в обе ноги.

— По ногам, значит, стреляли?

— Так точно, товарищ полковник, по ногам.

— Это хорошо, что по ногам... Ну и кем сие чудо оказалось?

Начальник СО потупился:

— В том-то и дело, что никем.

— Как это?

— Когда его извлекли из панциря, это оказался несовершеннолетний Денис Краевой. Медсестра скорой его опознала. Они соседи... В одном доме живут.

— Несовершеннолетний? — полковник нахмурился. — Плохо. Очень плохо.

Кресчатый сжал кулаки, размышляя: «*Как теперь объяснить все это начальству? Как оправдать применение оружия против подростка?*»

Вслух же он спросил:

— И что, наши орлы в погонах не смогли понять, взрослый это или подросток?

— Так кто же смог бы определить его возраст в этой сбруе? Лицо тоже было закрыто забралом шлема. Медсестра рассказала, что у этого парня давно уже не все в порядке с головой. Мол, он просто помешался на рыцарях и холодном оружии.

— А где он брал его?

— Кого?

— Не тупи, капитан. Меч, копье... Что там у него еще было?

— Только доспехи и щит. Однако при обыске в его «мастерской» изъяли целый арсенал самодельного холодного оружия. У мальчика оказались золотые руки, и все это он сделал сам, используя кузницу своего дяди.

— Дядю допросили?

— Так точно. Василий Рубич. Имеет небольшой частный бизнес — кузницу, где он кует оградки, ворота, скамейки и тому подобное. Клянется, что не знал об увлечении племянника. Говорит, обучил его кузнечному делу пару лет назад, рассчитывал на помощника. Дядя полагает, что парень сделал собственный комплект ключей и ковал оружие по ночам, пока мать на смене. Думаю, врет.

— Почему?

— Невозможно не заметить разожженный горн, пропажу железа и другие странности.

— Понятно. А мать кем работает?

— Лариса Краевая. Санитарка в поликлинике.

— Так. В каком состоянии здоровье этого... Дениса Краевого?

— Ранения обеих ног: две пули в бедро, одна в голень. Раны неглубокие, задело вскользь. Очевидно, удары смягчила подроспешная одежда. Помимо ранений у парня многочисленные гематомы и разрывы мышечных тканей. Сейчас он на лечении в больнице... под охраной. Наш психиатр, кстати, провел с ним предварительную беседу и убежден, что у молодого человека активная шизофрения.

— Ну хоть какая-то хорошая новость, — буркнул полковник. — Свободны.

— Есть. Разрешите идти?

— Идите.

***

На следующий день начальника ОВД продолжали одолевать мысли о Денисе Краевом. После короткого утреннего совещания полковник остался в одиночестве. Он откинулся на спинку стула и сложил руки за головой. Несколько минут Кресчатый провел в этой позе, затем нажал на кнопку селектора:

— Слушаю вас, Дмитрий Сергеевич, — ответил голос секретаря.

— Пригласите ко мне психиатра, — попросил полковник. — Пусть захватит свои выводы в отношении Дениса Краевого.

— Сию минуту, Дмитрий Сергеевич.

Полковник снова откинулся на спинку, устало потер виски и закрыл глаза. В голове крутились тревожные мысли: «Надо будет по полной закатать парня в психушку, иначе не отбредаемся... Все-таки стреляли по подростку. Хотя закон и предусматривает применение оружия в случае вооруженного сопротивления несовершеннолетними, но... Кто в здравом уме поверит, что шестеро сотрудников полиции не смогли обезоружить одного юнца, вооруженного острой железкой? Бред? Бред! Пятно на все ОВД. Полетят головы и погоны».

Дядю пацана прижать несложно. Все-таки в его кузне изготовлялось самодельное холодное оружие. А это, при желании, можно под нехилую статью подвести. Главная проблема — его мать, которая уже вчера, как мне доложили, принялась собирать подписи под петицией «О полицейском произволе». Мол, расстреляли ребенка из автоматов только за то, что он зани-

мался реставрацией рыцарской амуниции. Вышел, типа, паренек в доспехах погулять, а уроды-полицейские испугались его бутафорского меча и буквально изрешетили пулями. И никого при этом не будет волновать разрубленная надвое нога полицейского и раненое плечо банковского коллектора. Последний, впрочем, и не думает давать свидетельских показаний. Шел, поскользнулся, упал, напоролся на стекло. Пошел в полную несознанку.

Есть, конечно, вещественные доказательства в виде копья, меча, рыцарских доспехов, а также узика с продырявленным лобовым стеклом. Но кого это будет интересовать, когда общественное мнение поднимет бурю во всех СМИ и интернет-ресурсах?

Да, Краевая Лариса Александровна настроена весьма решительно. Грозится дойти до президента. В общем, одна надежда на полное психиатрическое обследование парня. Хотя наш штатный психиатр и утверждает, что парнишка полный шиз, но кто, блин, его знает, может, он сейчас дуркует, а завтра станет нормальным? Нужна полная гарантия его невменяемости. Впрочем, это все равно мало чем поможет. Придется уволить всех, кто был задействован в этой, бля, «операции». Не могли такой толпой пацана в доспехах скрутить, олухи! Все верно, уволить всех без исключения, кроме, пожалуй, раненого. Спишем все на них и закроем вопрос. И мне, и им будет спокойней...».

А на следующий день ему позвонили из Москвы.

— Полковник Кресчатый слушает, — произнес он в трубку, чувствуя, как внутри все сжалось.

— Дмитрий Сергеевич, у нас есть вопросы по инциденту с несовершеннолетним в рыцарских доспехах. Подробности — в течение суток. И учтите: дело на особом контроле.

— Я все понял, — глухо ответил полковник, опуская трубку.

Он встал, подошел к окну и посмотрел на улицу. В одной из палат городской больницы лежал этот странный парень, втемяшивший себе в голову, что он рыцарь. А теперь его свобода, как и карьера полковника, висела на волоске.

Глава 4. Приключения в смирительной рубашке

Настроение мое было хуже некуда. Мало того, что я не смог победить злобных демонов, спрыгнувших со спины дракона (которого я, впрочем, сразил одним ударом копья), так еще моя возлюбленная Дульсинея даже не пришла проведать меня после битвы. А ведь все мои подвиги я совершал лишь ради нее. Моя рыцарская длань творила великие деяния ради одного ее ласкового взгляда. Эх, женщины, женщины...

Где же она? Почему не здесь, рядом с раненым рыцарем? Разве не должна дама сердца навещать своего героя в час испытаний?

Ну вот, опять мой улыбчивый тюремщик пришел. Снова будет задавать свои странные вопросы. На нем белоснежный халат, словно облачение ангела, но я-то знаю: под этой маской скрывается бес. Он улыбается, но глаза у него холодные, как лед.

Каждый раз, когда он входит, я невольно сжимаю кулаки. Вспоминаю звон стали, свист ветра в ушах, рев Росинанта... Но руки скованы этим проклятым одеянием, которое напялили на меня два злобных демона. Если бы не оно, я бы уже показал этим бесам в белом, на что способен гнев рыцаря Дэна Дохота Лохмаческого!

Опять приходится глотать это отвратительное пойло в пластмассовом стаканчике, от которого так хочется спать. А не будешь пить, демоны живо запрокинут голову, зажмут нос и вольют дрянь силой. Волей-неволей приходится проглатывать. А еще они больно щиплются, когда снимают с меня проклятую рубаху с длинными, до самого пола, рукавами. Но я этого уже почти не чувствую. От выпитой жидкости у меня мутнеет в голове, а тело становится ватным и безвольным.

О, моя возлюбленная Дарья, как же я скучаю по твоему прекрасному лику... Стоп! Какая Дарья? Ведь дама моего сердца — Дульсинея Тобольская! Мысли путаются, как клубок ниток, который кто-то нарочно перепутал. Ладони вспотели, во рту пересохло, а голова раскалывается так, будто по ней снова ударили битой.

Что-то со мной не так. Со мной? А кто я? Дэн Дохот Лохмаческий... Моя мама зовет меня Дениской... Какая мама? При чем тут мама? Дениска... Денис Краевой... Дульсинея... Даша Тоболева... Кто из них настоящий? Где кончается сон и начинается явь? Как же болит моя голова!

Психиатр и полковник: сделка двух циников

Перед кабинетом психиатра полковник Кресчатый остановился, прислушиваясь к звукам за дверью. Где-то в глубине коридора раздавался смех пациента, нервный, прерывистый. Полковник поправил галстук и постучал.

— Здравствуйте, доктор!

— И вам доброго здоровьяца, господин полковник.

— Ну так уж и «господин»? Господа только у гражданских, а мы до сих пор товарищи.

— Ну что же, товарищи, так товарищи. Чем обязан?

— Меня интересует состояние здоровья вашего пациента.

— Да-да, я так и понял, что вы пришли справиться о Денисе Краевом. Ну что же... Состояние психики мальчика изначально демонстрировало нестабильную динамику: периоды ясности чередовались с обострениями. Но сейчас он уже начинает адекватно воспринимать реальный мир. Вспомнил свое имя и фамилию, вспомнил мать, соседей, одноклассников. Темы его увлечения холодным оружием мы пока стараемся не касаться. Опасаемся, так сказать, регресса... Вы чем-то расстроены? — прервал свой монолог психиатр.

— Нет, нет... Я рад, что парнишка поправляется... Но... Послушайте, уважаемый...

— Виктор Павлович...

— Уважаемый Виктор Павлович, дело в том, что если ваш пациент быстро поправится, то ему грозит реальный срок в колонии для несовершеннолетних. Все-таки, сами понимаете, вооруженное нападение... Серьезно ранены люди... В общем, не могли бы вы устроить так, чтобы паренек задержался в вашей лечебнице на более долгий срок. Поймите, так будет лучше и для него, и...

— Для вас? — хитро прищурился врач, разглядывая красное лицо начальника ОВД.

— Ну, для нас, пожалуй, лучше уже не будет... — полковник потер свой подбородок. — Московская проверка поставила на уши все ОВД. Сотрудники, участвовавшие в захвате преступ... хм... Дениса, уволены по статье, как не справившиеся с должностными обязанностями. Слава богу, им хватило ума стрелять по ногам, и парнишка получил лишь легкое ранение... Но, несмотря на это, скамья подсудимых ему все равно светит. Есть неоспоримые факты об изготовлении, хранении и применении холодного оружия. Имеются пострадавшие. Вы знаете, что наш сотрудник останется инвалидом на всю жизнь? Так что, уважаемый Виктор Павлович, я в первую очередь пекусь о благе Дениса. Либо он получит срок в колонии для несовершеннолетних, либо будет «отдыхать» в вашем заведении.

— Я понимаю вас, товарищ полковник, — врач немного помолчал, собираясь с мыслями. — Хотя прогресс есть, но он неустойчив. Мне бы хотелось понаблюдать за ним подольше. И дело даже не в вашей просьбе. Думаете, я поверил в ваши рассказы о заботе об этом мальчике? Что-то вы, господин полковник, не договариваете. Но, как я уже говорил, дело не в этом. Понимаете, случай уж больно уникальный. Не буду загружать вас медицинскими терминами, все равно не поймете, но я хочу более тщательно изучить болезнь пациента. А для этого мне необходимо постоянное присутствие Дениса в нашем лечебном учреждении. Да-с. Возможно, я смогу помочь ему не просто «задержаться» здесь, а действительно вернуться к нормальной жизни... Если, конечно, вы не будете мешать процессу лечения.

— Интересный вы человек, доктор, — усмехнулся начальник ОВД. — Докторскую хотите написать? Нет? Впрочем, меня это тоже мало волнует.

Полковник поднялся и направился к выходу, но у дверей обернулся и с улыбкой произнес:

— Кстати, советую поскорее встретиться с матерью вашего пациента и объяснить ей, почему ее сын до сих пор находится в психиатрической лечебнице... Она женщина упорная,

и если вы не убедите, что ее дитятке требуется серьезное лечение, то она на уши здесь все поставит. До свидания, уважаемый Виктор Павлович...

— До свидания...

Доктор остался один. *«Мальчик действительно необычный. Даже в бреду он сохраняет некую средневековую величавость и достоинство... В нем есть что-то цельное, почти героическое. Но реальность безжалостна. И если я не помогу ему разобраться в себе, он сломается окончательно».*

***

— Привет, Саня, слышал новость?

— Не, а что случилось?

— Дениска наш в психушку загремел.

— Да ну!

— Вот те и ну. Он, короче, своим мечом кучу народа покروшил. Трех гражданских и пятерых полицейских. По нему и из пистолетов, и из автоматов стреляли, ничего не помогло. Только когда из гранатомета по его доспехам шарахнули, тогда и сумели скрутить. Не веришь? У Дашки спроси! Она к нему в больничку ходила. Только ее не пустили. Сказали, что он опасный маньяк, убийца и шизофреник. И держат его в одиночке, чтобы других психов не покусал. Вот так-то! А все почему? Потому что читал он разную дрянь, вместо того чтобы, как все нормальные люди, за компом сидеть. Я всегда говорил, что книжки до добра не доведут, как в воду глядел.

Саня нахмурился, почесал затылок:

— Да при чем тут книжки? Я вот тоже читать люблю. Фантастику, например, просто обожаю. Но я ведь не делаю там различные бластеры и световые мечи? И психика у меня нормальная.

— Это пока, Саня, нормальная, а не прекратишь себе мозги пудрить, так мигом по стопам нашего Дэна Дохота Лохмаческого отправишься. Помнишь, как он в пятом классе того бугая прогнал, который малышом обижал? Вот и тогда уже видно было, что он не от мира сего. Рычал, как зверь, и бросался на толстяка с кулаками, пока тот не сбежал, повертев пальцем у виска. Слушай, Сань, а может, по пивку ударим?

— Денег нет.

— У меня есть. Родоки расщедрились на карманные расходы.

— Тогда давай.

Мама в бой: попытка вызволить рыцаря из лечебницы

— Сыночка, родной мой, какой ты бледный стал, что они с тобой, гады, тут делают? — скороговоркой причитала Лариса Александровна, осыпая поцелуями лицо понурого юноши в больничной пижаме.

— Да все в порядке, мам... — бормотал в ответ Денис, — лекарства дают, от которых спать очень хочется, а так больше ничего.

— Я им дам лекарства! — грозно воскликнула Краевая, погрозив кулаком в сторону дверей больничной палаты. — Не хватало еще, чтобы ты в безвольный овощ превратился. Знаю я, какими препаратами здесь пациентов пичкают. В прошлом году тетя Поля лежала тут с депрессией, так ее потом месяц от этих таблеток отхаживали. Ничего, скоро я заберу тебя домой. Потерпи маленько.

— Скорей бы уж, — тяжело вздохнул паренек, глядя на мать несчастными глазами. — Мне здесь очень... страшно.

— Ничего, ничего... Мама со всем разберется. Потерпи, милый.

По щекам женщины потекли слезы. Она нежно погладила сына по взъерошенным волосам. Денис хотел улыбнуться в ответ, но губы дрожали. В голове снова зазвучал отдаленный звон меча, а перед глазами всплыли образы: темный двор, вспышки выстрелов, крики... Он до боли сцепил пальцы, пытаясь отогнать видения.

В палату вошел санитар — грузный мужчина с багровым лицом. Несмотря на суровую внешность, его голос оказался неожиданно тонким, почти женским.

— Лариса Александровна, вас ждет лечащий врач для беседы. Прошу вас пройти со мной.

— Очень хорошо, — женщина решительно встала и, обернувшись к сыну, добавила: — Подожди немного, милый, я скоро вернусь.

Денис остался в одиночестве. *«Как же я сюда попал? — думал он. — Вчера еще был обычным подростком, увлеченным рыцарями, а сегодня... Кто я теперь?»* И в этот момент кто-то в его голове прошептал: *«Ты — Дэн Дохот Лохмаческий. И ты не сдашься...»*. Денис вздрогнул и едва не свалился с кровати.

***

Кабинет врача сиял чистотой. В воздухе стоял резкий запах хлорки, который санитарка Н-ской поликлиники безошибочно узнавала. *«Здесь, похоже, убирают по старинке, без новомодных средств»*, — подумала она, входя в комнату и усаживаясь на предложенный стул. *«Стоп! При чем тут это? Соберись. Надо срочно вытаскивать сына из этой психбольницы»*.

— Здравствуйте, Лариса Александровна, — поздоровался с ней сидящий за столом седовласый мужчина почтенного возраста. — Меня зовут Виктор Павлович Лебедушкин. Я лечащий врач вашего сына...

— Мой сын не болен, — перебила мужчину Краевая. — По какому праву вы насильно удерживаете мальчика в своем заведении и травите психотропными таблетками?

— Ну, во-первых, уважаемая Лариса Александровна, ваш сын здесь находится по распоряжению суда. Насколько мне известно, против него завели уголовное дело. А во-вторых, — врач поднял руку, останавливая женщину, которая уже собиралась возразить, — мы не назначаем ничего опасного. Я прописал вашему сыну легкие антипсихотики и транквилизаторы, чтобы успокоить его возбужденное состояние.

— Мой сын здоров! — упрямо повторила женщина. — И я хочу забрать его домой.

Мужчина тяжело вздохнул, откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на Ларису Александровну. В его взгляде читалась не просто профессиональная отстраненность, а искренняя обеспокоенность. Сменив тон, он начал объяснять расстроенной матери всю серьезность ситуации.

— Похоже, вы не до конца понимаете, что произошло с вашим сыном. Он напал на полицейского с холодным оружием и нанес ему серьезные ранения. Да, возможно, господа полицейские немного переборщили с задержанием и тоже ранили его. Но ведь дело совершенно не в этом. Хотя и в этом тоже. Если я выпишу вашего сына с диагнозом «совершенно здоров», то его немедленно посадят в тюрьму. А там, поверьте мне, условия намного хуже, чем в нашем лечебном учреждении.

И потом, ваш ребенок действительно психически нестабилен. Я уверяю вас в этом как дипломированный специалист в области психиатрии и доктор наук. Есть видеозаписи первых часов обследования, которые, думаю, убедят вас в моей правоте. Я не могу показать вам все материалы по определенным причинам, но кое-что вы увидите.

Врач поднялся и, повернув монитор ноутбука к Ларисе Александровне, нажал на клавишу пуска. На экране появился Денис, одетый в смирительную рубашку. Женщина внимательно посмотрела на сына и замерла от ужаса. Это был не ее Дениска. Его глаза блестели фанатичным огнем, черты лица заострились. Из динамика послышался мягкий голос врача:

— Как вас зовут, молодой человек?

— Дэн Дохот Лохмаческий, — гордо ответил паренек словно чужим голосом. — Я идалго, дворянин из благородной семьи, и ты, костоправ, должен обращаться ко мне «ваша милость».

— Хорошо, ваша милость. Вы помните членов вашей семьи?

— К сожалению, я последний из своего рода. Мои родные погибли в великой битве с чудовищами. И я тоже посвятил свою жизнь борьбе с ними. Поэтому вы должны немедленно отпустить меня. Ибо в опасности простой люд, и без моей помощи многие невинные погибнут. Я уже совершил немало подвигов и посвятил их несравненной Дульсинеи Тобольской.

— Может, Тобосской?

— Не перечь мне, костоправ. Я знаю, как зовут мою даму сердца. А вот тебе приказываю немедленно снять с меня эту рубаху и вернуть амуницию.

Врач остановил запись. Лариса Александровна была потрясена увиденным. Слезы навернулись на глаза. *«Почему я не заметила раньше? — пронеслось в голове. — Все эти разговоры про драконов, доспехи... Я думала, это просто детская фантазия...»*

Она вымученно улыбнулась и жалобно произнесла:

— Но ведь я только что общалась с Дениской, и он выглядит совершенно нормально.

— Несомненно, моя дорогая Лариса Александровна, несомненно. И это действительно уникальный случай. Шизофрения не может так резко отступить и исчезнуть за один день. Я только-только начал разрабатывать план лечения, как мне сообщили, что пациент ведет себя абсолютно нормально. Мне нужно некоторое время понаблюдать за вашим сыном. Пожалуйста, не возражайте, — Виктор Павлович поднял руки, заметив, что женщина собирается протестовать.

— Помните, Денису грозит реальный тюремный срок. Здесь его никто не сможет достать, по крайней мере, пока я веду исследование. Мы с вами на одной стороне. Но для более эффективного лечения советую вам не навещать сына в течение недели или двух.

— Хорошо, — неуверенно сказала Лариса Александровна. — Я могу с ним попрощаться?

— Конечно, сегодня вы можете провести с ним весь день. Но с завтрашнего дня никаких свиданий. Я позвоню, как только буду уверен в его полном выздоровлении.

Женщина медленно вышла из кабинета, чувствуя, как земля уходит из-под ног. В голове крутились слова врача, но сердце подсказывало: что-то здесь не так. *«Я должна найти способ»*

помочь ему, — решила она. — И неважно, что говорит этот доктор. Мой Дениска не сумасшедший. Он просто запутался».

Вернувшись в палату, она крепко обняла сына.

— Все будет хорошо, милый, — прошептала она. — Мама что-нибудь придумает.

Денис поднял на нее глаза. В них читалась надежда. Впервые за долгое время он почувствовал, что не один.

Альтернативная сущность: когда в голове появляется неожиданный соавтор

«Мама ушла... Как жаль. Я так хотел подольше поговорить с ней. Но врач запретил нам видеться, пока я не поправлюсь. Только от чего? Мне сказали, что я напал на полицейских, ранил одного мечом и продырявил машину копьем. Но я не помню ничего такого. Последнее, что сохранилось в памяти, — веселая попойка, а потом как отрезало. Очнулся уже в этой палате, в смиренной рубашке. Одно из двух: либо помешались все вокруг, либо я сам сошел с ума. И это очень печально. Если все произошло так, как мне рассказал Виктор Павлович, то дело дрянь. Меня теперь будут судить или, возможно, оставят в психушке. А может, я действительно не в себе?»

Он поднялся и, прихрамывая, приблизился к окну. Ноги, перевязанные бинтами, все еще болели, как и все тело.

«Виктор Павлович рассказал, что меня ранили полицейские, и до того, как попасть к нему, я лежал в хирургическом отделении местной больницы, прикованный наручниками к кровати. Я буйствовал и грозился покарать нечестивцев, осмелившихся пленить рыцаря. Как только раны начали заживать, меня перевели в психиатрическую лечебницу от греха подальше. А здесь уж Виктор Павлович сумел достучаться до моего сознания. Но я ничего подобного не помню. Лишь обрывочные видения, словно отголоски снов».

Денис тяжело вздохнул. Решетки на стекле, словно кружева, отбрасывали узорчатые тени на пол. Он провел пальцами по холодному подоконнику, чувствуя, как они слегка дрожат. В воздухе витал слабый запах лекарств... Терпкий, навязчивый, будто напоминание о том, что он здесь пленник.

Воспоминания путались, смешивались, как обрывки сна. Вот он кует меч в кузнице дяди, вот мчит на мотоцикле по ночному городу, а вот лежит на больничной койке, и вокруг белые стены, белые халаты, белые лица...

Внезапно в голове раздался голос, не его собственный, а чей-то другой, низкий и властный:

«А кто сказал, что ты сумасшедший? Ты — идалго, благородный потомок старинного рода. Ты — великий герой, победивший сотни чудовищ. Ты — защитник обездоленных. Ты — Дэн Дохот Лохмаческий! Все должны благодарить тебя за доброту и отзывчивость».

Голос звучал так отчетливо, будто кто-то стоял прямо за спиной. Но когда он резко обернулся, позади была лишь глухая стена.

«Ой... Кто ты? Я слышу тебя в своей голове... Но ты — это не я. Значит, я действительно сошел с ума, раз слышу голоса?»

«Не дрейфь, пацан. Все гораздо проще. Я — твоя альтернативная сущность... Можешь называть меня Дэном, если так тебе удобнее. И пусть костоправы называют это раздвоением личности или болезнью. Это не важно. Главное, мы знаем, что с нами все в порядке. Так что забей на врачей и подумай, как отсюда нам выбираться».

«Если я сбегу, меня поймут и отправят в тюрьму».

«Тюрьма? Ха! — голос альтер-эго звучал насмешливо, но в нем слышалась странная уверенность. — Не волнуйся, этого не случится, если ты разрешишь мне управлять твоим телом. Я позабочусь, чтобы нас не поймали. Поверь, я мастер скрываться. Ты даже не заметил моего присутствия, пока не перебрал с пойлом. Именно алкоголь приоткрыл дверцу, в которую я смог просочиться, пока ты спал в трубе. Ну же, позволь мне взять бразды правления! Всего на пару часов. Потом я снова спрячусь, обещаю. А ты отдохнешь. Иначе эти костоправы превратят тебя в овощ своими уколами...».

«Я не могу. Если уступлю, ты снова начнешь нападать на людей... и погубишь меня окончательно».

«Не бойся... Во-первых, мы не напали на людей, а наказывали злодеев... Ну, за исключением стражей порядка. Тут я признаюсь, в темноте не разобрал. Показалось, что действительно на нас летит злобный дракон с не менее злобными демонами на нем. А во-вторых, на этот раз я буду тише воды и ниже травы. Мы проскользнет мимо охраны, как тени. Ну что... Ты готов открыть свое сознание? Давай быстрее. Кажется, сюда санитары идут с большими... Нет, просто огромными ипприцами».

Денис сжал кулаки. В голове почему-то крутились детские воспоминания: темный подвал кузницы, запах раскаленного железа, дядя Вася, который кричал: «Чувствуй металл!». Тогда он вытерпел боль и выковал меч.

«Может... может, он прав? — рассеянно подумал Денис. — Если это единственный способ выбраться...»

Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. В груди что-то сжалось: страх, надежда, отчаяние. Он вспомнил мамины глаза, полные тревоги, и ее слова: «Я тебя вытащу, сынок. Обещаю».

«Послушай, — голос смягчился, стал почти отеческим. — Я не заберу тебя. Я дам тебе силы защитить себя. Помнишь, как ты когда-то мечтал стать рыцарем? Это твой новый подвиг: спасти самого себя».

Денис глубоко вдохнул и мысленно сказал: *«Хорошо, я позволю тебе управлять моим телом, но только на время. И никаких нападений на людей. Я не хочу никому причинять вреда».*

В этот момент дверь палаты скрипнула. Денис резко обернулся. На пороге стоял санитар с подносом в руках — тот самый, с багровым лицом.

— Ну-ка, парень, прими лекарство, — пробасил он, подходя ближе. — И не вздумай опять буянить, а то...

Санитар не успел договорить. Денис почувствовал, как внутри что-то щелкнуло, словно замок открылся. Голос в голове стал громче, увереннее. Движения сделались резкими, отточенными. Он больше не был растерянным подростком. Он был Дэном Дохотом Лохмаческим, рыцарем без страха.

— Уйди с дороги, слуга тьмы! — выкрикнул он, и рука метнулась к подносу.

Быстрым движением он выхватил металлический противень и с размаху ударил санитаря ребром подноса по лицу. Тот вскрикнул от боли и схватился за щеку. Из-под пальцев потекла кровь. В тот же миг Денис рванулся к двери. Ноги болели, в голове шумело, но он мчался вперед... не как пленник, а как воин. Он знал, куда бежать: в конце коридора была вентиляционная решетка. Узкий лаз, но он пролезет.

Глава 5. Побег из дурки: терминатор в пижаме

— Виктор Палыч! — в кабинет ворвался запыхавшийся санитар с окровавленным лицом.
— Пациент сбежал!

— Кто сбежал? — ошарашенно спросил врач, глядя на медбрата.

— Да Дениска этот... шизофреник, — ответил санитар, вытирая рукавом кровоточащую щеку. — Моим же подносом меня, гад, ударил, когда я ему лекарство принес, и ходу. Я пока очухивался, его уж и след простыл. И я тогда сразу к вам побежал.

— Охрану предупредил? — Виктор Павлович побледнел, но старался сохранять спокойствие.

— Конечно, в первую очередь. Но они никого не видели на выходе. Значит, он где-то здесь, в корпусе, стервец прячется.

Врач схватил трубку стационарного телефона на столе. В этот момент на стене замигал красный сигнал тревоги, а из динамиков раздался механический голос: «Код красный. Попытка побега. Всем постам усилить бдительность».

— Так, Егор, немедленно организуй поиски. Задействуй всех санитаров и охранников. Всех пациентов закрыть в палатах, предварительно их обыскав. Начните с верхних этажей и заканчивайте подвалом. Охрану на выходе усилить. Впрочем, с начальником охраны я сам поговорю. Действуй, Егор. Но зайди сначала к Раечке в процедурный кабинет, пусть она тебе рану обработает. Если парнишка в здании, то никуда от нас не денется.

— Хорошо, Виктор Палыч.

Грузный санитар выскочил за дверь.

«Вот и проявилась болезнь, — с грустью подумал доктор Лебедушкин, провожая помощника взглядом. — И никакого чуда или сенсационного материала для исследования... Обычная рутина. Или нет? Что-то в этом побеге не так. Слишком четко, слишком продуманно. Словно кто-то другой управлял его действиями в тот момент. Словно... не он это был».

Тем временем Денис, прижимаясь к стене, пробирался по темному техническому коридору. В воздухе пахло плесенью и ржавчиной, капли воды с труб падали на затылок, заставляя вздрагивать. Вентиляция оказалась слишком узкой, и пришлось искать другой путь. Он выбрал коллектор с трубами — старый, почти заброшенный ход, о котором, похоже, забыли даже сотрудники больницы.

Денис упорно шел вперед, чувствуя, как альтер-эго направляет его: *«Налево... Теперь прямо... Осторожно, ступеньки...»* В голове звучал спокойный, уверенный голос: *«Мы почти у цели. Еще немного — и свобода».*

Внезапно впереди мелькнул свет фонарика. Денис замер, прижавшись к холодной трубе. Шаги приближались.

«Замри, — прошептал голос. — Дыши ровно. Они пройдут мимо».

Денис закрыл глаза и замер. Сердце билось так громко, что, казалось, его стук слышен в тишине.

— Да куда он денется, псих этот? — пробурчал один из охранников. — Весь корпус обыскали уже...

— Может, в подвале спрятался? — отозвался второй. — Там столько закоулков...

— Начальник сказал, подвал последним проверять. Пошли дальше...

Шаги стихли, Денис выдохнул и двинулся дальше. Через десять минут он оказался у зарешеченного окна в подсобке. Решетка была старой, проржавевшей, в некоторых местах металл прогнил насквозь.

«Помоги мне», — мысленно обратился он к альтер-эго.

И снова почувствовал прилив сил: мышцы напряглись, руки ухватились за прутья. С хрустом металл поддался. Один из прутьев согнулся, другой отломился с резким звуком. Денис протиснулся в щель и оказался в холле, откуда был выход на улицу. Но теперь предстояло миновать охранников.

«Ну все, попались», — в панике остановился он.

«Не бойсь... А ну подвинься, теперь дядя Дэн рулит будет», — отозвался внутренний голос.

Что было дальше, Денис помнил смутно. Адреналин ударил в голову, заглушая боль. Он пробивался сквозь охранников и санитаров, которые появились неведь откуда, легко, как нож сквозь масло. Вокруг мелькали руки, ноги, лица, но он шел напролом, словно таран, отбрасывая взрослых мужчин, будто детей.

— Мы не каратели! — прошептал Денис, увидев кровь на рукаве. — Зачем ты так?

«Слабость — это грех! — отрезал Дэн. — Вперед! Свобода ближе, чем страх и раскаяние!»

Наконец Денис оказался на улице. Холодный ночной воздух ударил в лицо, а впереди темнел силуэт парка. Нога подворачивалась на неровной дороге, бинты намокали от крови, но он все равно бежал.

«Мы сделали это, — прозвучал в голове торжествующий голос. — Теперь главное — не останавливаться».

Денис оглянулся на здание больницы, затем повернулся и помчался вглубь парка, растворяясь в ночной темноте.

Велосипед вместо Росинанта: скромное средство передвижения для великого рыцаря

По вечернему городу шел молодой человек в больничной пижаме и тапочках. Он брел, сторбившись, обхватив себя руками, и прихрамывал. Несмотря на середину лета, было прохладно. Ночной ветер пробирал до костей. Парень тревожно бормотал что-то себе под нос, не замечая редких прохожих, с удивлением оглядывающихся на него.

— Ты обещал никого не трогать, — с укором сказал Денис своей альтер-личности. — А сам?

«Так мы никого и не убили, — хмыкнул голос Дэна в его голове. — Мы просто слегка развлеклись, прокладывая путь на свободу».

— Ты называешь это развлечением? — ужаснулся Денис. — Ты разбил охраннику лицо в кровь и сломал ему руку. Санитару, который пытался тебя остановить, ты выбил глаз!

«Во-первых, не я, а мы все это сделали, — невозмутимо отозвался Дэн. — А во-вторых, эти люди остались в живых. А если бы они нас поймали, то вернули бы в карцер, надели те жуткие рубахи и заставили пить зелье, лишаящее воли. Но теперь, благодаря нашим усилиям, мы свободны».

— Ну и куда сейчас? — спросил Денис, дрожа от ночной прохлады. — Домой, к маме?»

«К ма-а-а-а-а... — насмешливо протянул внутренний голос. — Там, наверное, уже ждут стражники. К дяде тоже нельзя. Эх, вернуть бы Росинанта, да с оружием... Мы бы показали врагам, где раки зимуют. Хотя... Я тут покопался в твоей памяти и обнаружил, что у нашего дяди за городом есть старое... палъесо. Его давно никто не посещает. Вот туда нам и надо идти».

— Это очень далеко, — с сомнением покачал головой Денис. — К тому же у меня сильно болят ноги, и раны, кажется, открылись. Вон кровь из бинтов выступила».

«Пустьяки, — уверенно сказал Дэн. — Сейчас я включу скрытые резервы, и раны быстро затянутся. Но ты прав. Нам нужна лошадь, чтобы быстрее добраться до домика нашего дяди».

— Может, Дашу Тоболеву попросить нас подвезти? У нее скутер есть, и...» — начал было Денис, но Дэн его перебил:

«Ты что? Хочешь в таком неприглядном виде предстать пред очами несравненной Дульсины? Да она тебя навеки прогонит. Нет. К даме сердца в таком одеянии не ходят. Стоп! Смотри, какой милый пони!».

— Это велосипед возле магазина кто-то оставил, — пробормотал Денис, разглядывая двухколесное чудо техники с толстенными, как у мотоцикла, покрышками.

«Неважно, как он называется... Суть одна. Для меня это милый пони. Ну что, садимся и мчим, пока хозяин из лавки не вернулся».

— Ты что, это же кража! Нас и так могут посадить за нападение на полицейских!

«Для благородного идалъго забрать пони у крестьянина не считается кражей, — настаивательно сказал Дэн. — Тем более что мы берем его на время и, как только вернем свое имущество, непременно возвратим лошадку. Давай, давай... Да разорви ты эту хлипкую привязь, не мучайся. Вот... Порядок. Вперед!».

Денис с сомнением посмотрел на велосипед, затем на свои тапки. Боль в ноге пульсировала в такт шагам, а в голове крутились слова матери: «Сынок, будь осторожен».

— А если нас поймают? — тихо спросил он.

«Поймают — значит, судьба такая, — беззаботно отозвался Дэн. — Но мы не позволим им этого сделать. Вперед, рыцарь!».

Денис глубоко вздохнул, подошел к велосипеду и резким движением разорвал трос. Затем неловко перекинул ногу через раму. Велосипед покачнулся, но устоял.

«Ну что, милый пони, вперед! — воскликнул Дэн. — К славным подвигам и новым приключениям!»

Денис неуверенно нажал на педали и покатил по улице, постепенно набирая скорость.

Суперзлодей в больничной пижаме: как поймать неуловимого угонщика

Дмитрий Сергеевич Кресчатый сидел в кабинете, машинально вертя в руках фото сына-подростка. «*А если бы так сорвался мой Игорь? Что тогда? —* подумал он. — *Смог бы я нажать на курок?»* Полковник рассеянно слушал доклады подчиненных на оперативном совещании.

Вчера ему позвонил доктор Лебедушкин и с тревогой в голосе сообщил, что Денис Краевой сбежал из лечебницы, покалечив двух человек. Кресчатый не мог поверить, что шестнадцатилетний подросток одолел двух крепких взрослых мужчин, раскидав их в стороны, как котят. Впрочем, говорят, у психически нездоровых людей силы многократно возрастают.

С одной стороны, теперь можно немного расслабиться: строгие выговоры и внутренние расследования больше не грозят. Но с другой, кто знает, что может натворить этот неадекватный юноша? Нет, нужно его обязательно найти... и чем скорее, тем лучше.

Сознание вырвало из монотонного доклада фразу: «...молодой человек в больничной пижаме украл велосипед у продовольственного магазина „Пятерочка“...»

— Стоп, — встрепенулся полковник. — Повторите последнее сообщение.

Оперативный дежурный, запнувшись на полуслове, недоуменно взглянул на начальника и, уткнувшись в записи, начал читать сводку снова:

— В 21:25 Александра Викторовна Сушина обратилась в дежурную часть с заявлением об угоне велосипеда. Она оставила его возле супермаркета «Монетка». Нашлись свидетели, заметившие, как странный юноша в больничной пижаме подошел к велосипеду, разорвал противоугонный трос голыми руками, вскочил на него и быстро уехал.

— Голыми руками трос? Однако... — Полковник нахмурился. — Может, паника дала сверхчеловеческую силу? Значит, так, господа оперативники, объявляю поимку этого угонщика приоритетной задачей. Бросьте все свободные ресурсы на его розыск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.